

ПРОБЛЕМА СУВЕРЕНИТЕТА НЕБОЛЬШОГО ГОСУДРСТВА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Существование небольших государств на протяжении истории неоспоримый факт, как и то, что они находились под прессом нескончаемых претензий, враждебных посягательств на их суверенность извне и прямых агрессий со стороны более сильных соседей. Среди них нет неприкасаемых: судьба малых (а потому слабых) государств – открытая, незаживающая рана на теле истории, всегда была вызовом. Когда, казалось бы, поставлена последняя точка, откуда ни возьмись, брались силы, чтобы подняться непокорёнными, жизнеспособными, свободолюбивыми. Как раз в этом кроется загадка их возрождения и реанимации, проблема их независимого существования и бесценного культурного многообразия мира.

История не топчется на месте, расширяя свое жизненное пространство, она то движется не спеша, то медленно поспешает. Сегодня она заметно прибавила в скорости. Возрос темп изменений. Мир поднимается на новую ступень взаимозависимости и единства, переходит от замкнутости к открытости, от изолированности к интеграции. Границы становятся относительными, прозрачными, в известном смысле условными (см. т.н. безвизовый режим). Одним словом современный мир отмечен знаком ГЛОБАЛИЗАЦИИ.

Рождение нового есть преодоление инерции, победа, одержанная над привычкой, над устаревшей традицией. Как в свое время индустриализация покончила с феодально-крепостническим строем и, создав крупную промышленность, заложила фундамент новой экономической системы – капитализма, а вместе с ним и соответствующих политических институтов, в том числе национального государства, так теперь глобализация несет с собой радикальное преобразование нынешней общественной системы в целом и института национального государства в частности. Ей (глобализации) тесно в рамках последнего, каким сложилось оно в эпоху индустриализации, и, ставя под вопрос его самодостаточность, адекватной формой политической организации, отвечающей требованиям современности, выступает сверхгосударство, крепко спланирующее тесными узами несколько суверенных государств, или их федерация, конфедерация, нечто вроде союза, как то мыслили авторы – Европейский Союз (ЕС), наднациональное супергосударство...

Питательной почвой, обеспечивающей поступательное развитие истории, служат противоречия. Одним из очень многих из них, которое преследует её неизменно, является противоположность между **объективным** ходом вещей, диктуемым внутренней необходимостью, с одной стороны, и его **субъективным** неприятием, оппозицией к нему – с другой. Это общее правило дает о себе знать сегодня в отношении к глобализации,

которая есть преданность, а оппонирующую роль играют те силы, которые категорически возражают (и даже негодуют) против универсализации мира и с позиций защиты этнонациональной идентичности встречают в штыки глобализацию, настаивая на необходимости многообразия.

Пафос их отрицаний легко понять. Следует принять во внимание, во-первых то, что вообще новообразованные государства очень болезненно реагируют на любые покушения (даже мнимые) на правомерность недавно завоеванного ими статуса независимости. Во-вторых, сама по себе многомерность глобализации, позволяющая различные интерпретации, даёт обильную пищу критикам преподнести её в невыгодном свете и сделать совершенно неприемлемой для патриотов-энтузиастов, процент которых в малых странах всегда велик.

Так, для иллюстрации вышесказанного уместно будет сослаться на высказывание Генри Киссинджера, касающееся феномена глобализации. Судя по его словам, главный вызов состоит в том, что то, что обычно называют глобализацией, на самом деле просто другое название господствующей роли США. В процитированном возросшая внешнеполитическая роль Америки, которая во времени совпала с глобализацией и пользуется ею в своих интересах, ассоциируется с самим процессом глобализации, будто глобализация и есть не что иное, как модель мира, скроенного по-американски в гегемонистских целях. Отсюда взаимосвязь антиамериканизма и антиглобализации: настроенные антиамерикански - противники глобализации, поскольку связывают с ней потерю собственной самобытности и суверенитета, что особенно идет вразрез с недавно признанной их независимостью.

Холодная война, длившаяся долгие четыре десятилетия – с 1945 по 1985 годы, - завершилась развалом СССР. То, что оказалось не под силу до зубов вооруженным армиям вермахта, свершилось как бы самотеком, «без единого выстрела», как охотно повторяют друг за другом западные авторы. ИСТОРИЯ с большой буквы вынесла свой непререкаемый приговор: гигантская империя погрузилась в небытие. На авансцену мировой империи, как по мановению волшебной палочки, буквально высыпалось пятнадцать новых независимых государств. Бывшие советские союзные республики, вырвавшись из-под опеки центральной великодержавной власти (Москвы), обрели свободу и получили признание мирового политического сообщества в качестве суверенных государств.

Независимо от различий, обусловленных перипетиями политического взросления каждого из новообразованных государств, расставание с советским наследством требовало много сил и мастерства управления, дефицит которого был налицо. Напомним, что наш разговор, прежде всего, касается Грузии, с необустроенностью которой сталкиваешься на каждом шагу и которая бросается в глаза любому зрячему. Впрочем, в этом плане Грузия

далеко не одинока. С разной степенью приближения аналогичное – дозой «больше-меньше» – творится и у соседей. Участь Украины, к слову, если не тяжелее, то ничуть не легче.

Поднять страну из руин - задача, ставшая бременем некомпетентных менеджеров, вот уже четверть века ждет решения. Неизвестно, сколь долго протянет доверчивость их терпеливых соотечественников, которым вешают на уши лапшу о наступлении лучших дней в ближайшем будущем. И эти насквозь лживые посулы провозглашаются тогда, когда половина населения в поисках работы вынуждена эмигрировать, чтобы худо-бедно поддерживать с чужбины родичей, членов семьи, близких! Из-за чехарды и процветающей коррупции во властных структурах опасно увеличивается неустойчивость общества, которое и без того дезориентировано чрезмерными темпами социальной дифференциации, на одном краю которой идет баснословное обогащение новой олигархии, а на противоположном – погружение масс ниже черты бедности, в нищету. Как ни угнетающе смотрятся отдельные этюды постсоветского распада и разложения, но они, даже сложенные в одну картину, не дают подлинного представления о настоящей цене, заплаченной за крушение гигантской империи, и поэтому собственно профетический смысл происшедшего остается за кадром.

Как ни старался М. Горбачев внушить партнерам, что в холодной войне не должно быть ни победителей, ни побежденных, красноречие его заклинаний было бесполезным. Холодная война вкупе с так называемой «Перестройкой», которая доконала советскую экономику, и без того дышавшую на ладан, многократно приблизила сроки наступления краха Советского Союза и сделала бесспорным факт победы Запада, превратив «двуполярный мир» в «однополярный». Разногласия могут относиться не к признанию-непризнанию этого факта, а касаться его последствий. Так, Маргарет Тэтчер, премьер-министр Англии, которой принадлежит первоклассное описание эпохи холодной войны и непосредственно следующего за ней периода, не скрывает своего особого удовлетворения тем, что в холодной войне убедительную победу одержал Запад, а американский президент Рональд Рейган заслужил звание главного архитектора победы, добытой «без единого выстрела» (с удовольствием подчеркивает она).

Чтобы предупредить от поверхностной интерпретации её концепции холодной войны, М. Тэтчер специально подчеркивает, что не разделяет точку зрения, когда холодную войну изображают как борьбу двух сверхдержав: Соединенных Штатов и Советского Союза. «Намного важнее и значительнее для нас сегодня то, - указывает она, - что холодная война шла между двумя прямо противоположными системами, опирающимися на отрицающие друг друга философские теории и имеющие абсолютно разные цели». И поэтому победа США была резюмирована как победа антикоммунизма.¹ По-другому подходит к конфликту президент Российской Федерации. Оставляя в стороне

системную конфронтацию и имея дело уже с поверженным Геркулесом, Владимир Путин оценил произошедшее в геополитическом контексте как «крупнейшую катастрофу XX века». Акценты расставлены им иные, чем предпочитают делать представители победившей стороны. Различия, однако, не уменьшают познавательной ценности ни одной из характеристик и не ставят их во взаимоисключающие отношения истины и лжи. Победа Запада в холодной войне неоспорима. Но, к сожалению, в мире не стало больше стабильности, установление которой ожидали от реализации стратегической концепции «Нового мирового порядка», (подробности её появления на свет напрямую связаны с трагедией, разыгравшейся в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года).

В доктрине «Нового мирового порядка», роль «преобразующей силы» в которой берут на себя Соединенные Штаты, в качестве главной стратегической цели провозглашалась демократизация Ближнего Востока, где, кстати, сосредоточены две трети обнаруженных мировых запасов нефти. Разумеется, природные богатства региона не афишировались, но были бы не последним аргументом наступления на Ирак. Принятие решения ускорила атака на близнецов-небоскребов Всемирного торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года. С неё открывается новая страница и новый отсчет времени американской истории: на вызов, открыто брошенный исламскими террористами, последовал ответ «стратегического масштаба» (Б. Скоукрофт)².

Военная «интервенция» и «оккупация Ирака» (Зб. Бжезинский) преподносилась как борьба против средневекового варварства во имя радикального обновления под знаменем демократизации региона. В самой Америке операция устрашения встретила одобрение большинства, пережившего потрясение, вызванное трагедией одиннадцатого сентября. Представители несогласного меньшинства не разделяли такой реакции общественного мнения и предупреждали, что последствия вступления в очень беспокойный регион могут оказаться непредсказуемо тяжелыми для США, разрушительными для Ирака и дестабилизирующими ближневосточный регион в целом.

Свои резонные опасения на этот счет имели возможность высказать и быть со вниманием выслушанными в Белом доме советники президентов по вопросам национальной безопасности, самые влиятельные в тот период фигуры в американской внешней политике Збигнев Бжезинский и Brent Скоукрофт. Тем не менее внешнеполитическая тактика не претерпела корректировки: метод навязывания демократии оставался по-прежнему мессианистским – «концептуально неопределенным и исторически необоснованным» (Зб. Бжезинский).²

Ничем, кроме как «огромным чувством превосходства» и «ощущением собственной вседозволенности», которым обязаны американцы своей победе в холодной войне, нельзя было бы объяснить неотступно преследующее их желание «перекроить мир» и вообразить (абсолютно игнорируя вульгарную реальность), что Ирак – идеальное место для создания

демократии в регионе и плацдарма её распространения на Ближнем Востоке, тогда как практически там не было «никаких предпосылок для того, чтобы встать на путь демократии» (Б. Скоукрофт).²

Конечно, Южный Кавказ не Ближний Восток и Грузия не Ирак. Тем не менее, когда разговор идет о технике перекройки мира, о «новом мировом порядке», главным инструментом которого для «преобразующей силы» является демократизация с «хирургическим» уклоном, ассоциации, сопоставления и параллели неизбежны. Они помогают обнаружить общее там, где его не подозревали, а различия и контрасты, напротив, убрать оттуда, где они казались безусловными. Подобные ситуации, вероятно, подсказали Ф. Фукуяме остроумно заметить: если у тебя из инструментов только молоток, все проблемы выглядят как гвозди.

Победа в холодной войне и огромная мощь, по свидетельству знатоков, изнутри наблюдавших годами процесс приготовления «блюд», сдобренных демократическим соусом на кухне американской политики, позволяли Соединенным Штатам по мере надобности максимально расчетливо апеллировать к силе. Агрессивность же России и культ силы, которому она традиционно поклонялась и чем злоупотребляла веками, превратились в стихийное бедствие, помешавшее, в частности, нормализации отношений Москвы и Тбилиси.

«Часы коммунизма своё отбили – писал А. Солженицын накануне развала Союза...- Увы, многие мы знали, что в коммунальной квартире порой и жить не хочется. Вот так сейчас у нас накипело с нациями». Выход, который должен был помочь разрядить обстановку, подавляющую жильцов коммуналки, предложил первый Президент Российской Федерации Б. Ельцин. Именно он уже в ранге Верховного правителя Государства Российского, обращаясь к присутствующим в Зале приемов в Кремле официальным представителям четырнадцати союзных республик, благословил их отважиться взять столько суверенитета, сколько каждый из них сумеет унести с собой по национальным квартирам. Нетрудно представить состояние нервного стресса тех, кому были адресованы слова популистского некролога, заслуживающего быть занесенным в скрижали мировой истории, которым узаконивался акт расчленения и конца великой империи. Некоторым из них представлялось, что присутствуют при погребении и слышат причитания о поверженном Геркулесе, другим, напротив, доносились призывные слова из оды «Вольность».

Сцена поистине историческая. Народы обретают свободу и государственный суверенитет, который обеспечивает национальную независимость и гарантирует безопасность граждан. Международное сообщество, взявшее сторону новообразованных государств, санкционирует их международно-правовую субъектность, подтверждает их легитимность. Открывается новая эра и вместе с ней энтузиазм, что «народы, свои раздоры

позабыв, в великую семью объединятся» (А. Пушкин). Современный же поэт призывает к предусмотрительности и напоминает: «Сколько раз, мечтая о свободе, мы строим новую тюрьму» (М. Волошин).

Ход последующих событий подтверждает, что предупреждение было поэтическим ясновидением. Новоформатная Россия, Россия без бывших союзных республик медленно приходит в себя. Прошлое легко не отпускает и держит ее в плену имперских соблазнов – вернуть статус сверхгосударства. На ее границах и по их периметру рост напряженности, вспыхивающие один за другим очаги конфликтов напоминают реплику Дж. Кеннеди, что Россия может иметь на своих границах либо вассалов, либо врагов. Грузия, с искренним воодушевлением объявившая о своей независимости и порвавшая вассальные узы с Россией, превратилась тотчас во врага.

Драматические события августа 2008 года в автономной области Южная Осетия, как и войну в Абхазии, было бы непростительным упрощением объяснять лиш и только лиш местным сепаратизмом и главную их причину искать в противоречиях на этнонациональной почве между грузинами и абхазами, между грузинами и осетинами. Принимая во внимание конструкцию многонационального государства, каким был Советский Союз, иерархическая организация его федеративного устройства, фактически обуславливающая субординацию отношений между нациями, упрощала центру задачу контроля. Без этих рычагов, эффективных для проведения государственной политики сплочения национально разнородного общества, неизбежен хаос и его распад. Понятно, что в кризисные периоды, какими были для Советов годы перестройки и тем более постперестроечные, центральная власть прибегала к крайним мерам, чтобы сохранить целостность государства. Одной из таких крайностей вполне могло быть поощрение сепаратизма там, где из-под ног центра уходила земля. С ростом политически опасной неустойчивости имперская власть не скупилась на поддержку сепаратизма, в котором видела своего естественного союзника. Сами лидеры сепаратизма живо воспользовались появившейся возможностью удовлетворить свои политические амбиции – стать вдруг национальными героями. Именно такого типа скороспелыми защитниками национальных интересов были те из сепаратистов, кто, используя атмосферу неразберихи и развала, которые переживал Советский Союз в 80-90-е годы, примкнул к параду суверенитетов.

Прошло четверть века, а российские спецслужбы, профессионально готовившие эти острые блюда, всячески старались быть в тени как не причастные ко всему происходившему вокруг. Но своим признанием независимости Абхазии и Южной Осетии Россия сама, высокомерно сбросив маску непричастности к так называемым этнонациональным конфликтам в Грузии, не стала церемониться с общепризнанными принципами мирового сообщества и оккупировала пятую часть исконной территории грузинского государства.

В контексте сказанного нельзя не заметить контраста последних «миролюбивых» инициатив Президента Российской Федерации Вл. Путина, призывающего Тбилиси, Сухуми и Цхинвали самим начать переговоры о нормализации, исключив из этого треугольника кого-либо постороннего. Прежде чем оценивать степень конструктивности данного призыва, заметим, что в самой постановке вопроса – пора, мол, самим, кого непосредственно касается конфликт, сесть за стол переговоров, – молчаливо подразумевается участие в конфликте кого-то лишнего, кто разжигал этнонациональную рознь. Этим четвертым, конечно же, выступала Россия. Теперь она раскладывает пасьянс, и надо угадать, что она имеет в виду: правда ли урегулирование конфликтов в Грузии или же признание Грузией де-юре за её бывшими автономиями новых статусов – подарков, полученных ими от России в виде 20% грузинской территории, которая по сути дела станет российской. Вероятнее всего, если серьезно относиться к урокам прошлого из истории взаимоотношений Грузии и России, нельзя позволять себе расслабляться перед весьма заманчивым призывом Президента Российской Федерации установить долгожданный мир на Южном Кавказе и не замечать подводных камней, которые должны настораживать.

Интрига уже в том, что с упомянутой инициативой российского президента совпали по времени появившиеся в московской масс-медиа (в последних числах марта и в начале апреля 2016 года) заявления главы Южной Осетии Л. Тибилова, что «южноосетинский народ ожидает вхождения в состав России» и что этот вопрос будет вынесен на референдум, который намечено провести в ближайшие сроки, до августа. Не явствует ли из этого сообщения, что призыв В. Путина не имеет силы и официальным представителям конфликтующих сторон (Тбилиси, Сухуми и Цхинвали) нет смысла собираться за круглым столом переговоров, что было бы простым надувательством рядовых граждан. Надежда, как известно, умирает последней, а люди держатся веры, что «главы государств могут быть врагами, народы же являются соотечественниками» (Бенжамен Констан), что мир рано или поздно должен наступить и они вернуться к покинутым очагам и добрососедству.

В чём же тогда разгадка появления двух, на первый взгляд несогласованных позиций (Москвы и Цхинвали)? Перед нами очередная манипуляция, долженствующая внушить, что корни конфликта тянутся к этнонациональным противоречиям Тбилиси и Цхинвали, а не к геополитическим претензиям Москвы и её нефтедолларовым интересам. События августа 2008 года раскололи грузинское общество и по сегодняшний день остаются предметом острых споров. Хотя финал пятидневной войны был абсолютно предсказуем из-за огромной разницы весовых категорий вышедших на борцовский ковёр противников, М. Саакашвили, тогдашний президент и верховный главнокомандующий вооружёнными силами Грузии, не будучи ни безумным политиком, ни храбрым воином, пустился в

откровенную авантюру, не заботясь о предстоящих людских жертвах и невыносимо тяжелой для населения страны материально-экономической разрухе.

Со своей стороны, Россия не удержалась в рамках здравомыслия и накинулась на легкую добычу, лакомый кусок которой она проглотила не поперхнувшись. Лишь экстренная помощь первых лиц европейских демократических государств заблокировали агрессию на ближайших подступах к Тбилиси. Ответные действия России были непропорционально велики. Пострадала репутация, так как пренебрежение нормами международного права было прямо-таки вызывающим. Но она сознательно, чтобы не ронять достоинства великой державы, дала знать любителям ловли в мутной воде, что за ценой не постоит, если затрагивается область её жизненных интересов.

Калейдоскоп событий, имевших широкий резонанс в августовские дни 2008 года, показал, как трудно в условиях политического кризиса сохранить беспристрастность и определить красную линию, что делает процесс необратимым, исключает уступки, компромиссы и всё прочее, без чего движение к согласию и восстановлению мира становится практически недостижимым. В последующие за пятидневной войной годы Россия и Грузия всё дальше и дальше уходили друг от друга. Признание Россией независимости бывших грузинских автономий сделалось кульминационной точкой их разногласий.

Дальше дороги нет. Время общих призывов к миру прошло. Актом признания независимости бывших автономии Грузии Россия сообщила о своей принципиальной поддержке сепаратизма, а оккупацию 20% грузинской территории представила как возвращение земель их законным владельцам – абхазам и юго-осетинам. Кто по-прежнему беспокоится по поводу запущенных конфликтов и всерьез думает об их преодолении, должен вместо распылчатых гуманных пожеланий держать в руках максимально детализированный проект с перечнем конкретных предложений – обязательств, выполнение которых согласны взять на себя представители Тбилиси-Сухуми-Цхинвали и плюс непременно российская сторона. Но ни Москва, ни Цхинвали, судя по их заявлениям, цитированным нами выше, за круглым столом переговоров себя не видят. Если к тому же не спешат сесть за круглый стол и начать диалог оставшихся два (Тбилиси и Сухуми) предполагаемых члена переговорного процесса, то разговоры о нём являются не более чем надувательством.

Может показаться, что к этим вопросам глобализация не имеет и отдаленной связи. Но попробуем посмотреть на них глазами американских внешнеполитических суперэкспертов. Бр. Скоукрофт в беседе со своим партнёром Зб. Бжезинским, состоявшейся незадолго до пятидневной войны, высказал ряд интересных соображений о глобализации и привносимых ею чрезвычайно масштабных перемен общественно-политического и военно-стратегического характера. Одним из таких следствий он указал

то, что «еще при жизни нынешнего поколения можем увидеть конец межгосударственных войн как формы разрешения противоречий»². Причину наступления такой крупной перемены геополитического контекста он видит в ослаблении института национального государства. Продолжение нестандартной мысли заслуживает особого внимания и прямой ссылки на авторский текст. «Вместо этого (- т.е. вместо межгосударственных войн – В.К.) будут происходить **беспорядочные конфликты**, в которых великие державы если и примут участие, то **чужими руками** (- подчеркнуто нами – В.К.) или, возможно, в альянсе с другими странами»².

Ситуация, складывающаяся после холодной войны, уже похожа на картину Бр. Скоукрофта: углубляющееся расслоение мира, видевшееся в перспективе, становится явью дня настоящего. Непреодолимость этой тенденции оказывается не по плечу однополярности, так что предпринимаемые попытки централизованного регулирования не приносят желаемого результата. Ставка на силовые методы, которые предпочитают использовать великие державы (будь то Москва, Вашингтон и пр.), даёт обратный результат – «беспорядочные конфликты»; а попытки решения задачи «чужими руками» лишь увеличивают беспорядочность и число конфликтов.

В этих условиях проблема суверенности малых государств значительно усложнилась. Их судьба заслуживает рассмотрения в тесной связи с задачами защиты и сохранения полиморфизма и многообразия мира. «Было бы катастрофой для всего человечества, - писал Ромен Роллан в 1926 году в статье «Предупреждение Америке», - если бы какая-либо одна расса, один народ, одно государство, как бы значительны они ни были, попыталась навязать великолепному разнообразию вселенной прямолинейное и скучное однообразие своей собственной индивидуальности... подобная катастрофа обратилась бы против того самого народа, который решился бы на такое безрассудное угнетение: непреодолимые силы подавляемой природы отомстили бы за себя».³

PS. Постскрипtum

Глобализация, преодолевая изолированность и разного рода барьеры, практически сближает народы. Благодаря новейшей технологии ни пространство ни время, ни дальность ни длительность не помеха тесной взаимозависимости стран разных континентов. Человечество сделало гигантский шаг к единству и известной однородности. Вместе с тем многократно выросла ценность самобытности и необходимости защиты разнообразия, всегда служившего стимулятором общественно-исторического прогресса.

Крайне остро эта экзистенциальная проблема встала в первую очередь перед этническими меньшинствами и небольшими государствами. Угроза потери идентичности первыми и самостоятельности вторыми находит широкий резонанс в общественных

кругах. Мир нужен миру, обремененному множеством беспорядочных конфликтов. Любой из них не более чем «чужие руки» в обойме великих держав, которые пускают их в ход, когда считают для себя выгодным, как то было и есть в Европе с Косово, на Южном Кавказе с Грузией, в Нагорном Карабахе, на Ближнем Востоке и в других местах нашей планеты.

Неразборчивое манипулирование конфликтами в горячке соперничества за лидерство в мировой политике может внезапно обернуться столкновением цивилизаций. Глобализация вносит серьезные коррективы в область внешней политики и международных отношений. Чтобы уменьшить опасность катаклизма, должны быть найдены адекватные ответы на новые проблемы, являющиеся компетенцией философии права, международного права и других дисциплин, так как касаются переопределения таких фундаментальных категорий, как независимость, государственный суверенитет и других, стоящих в этом же ряду понятий, четкость которых предельно размыта атмосферой правового нигилизма, активно культивируемого современной практикой вокруг карликовых политических новообразований.

Примечания

1. М. Тэтчер. Искусство управления государством, гл. I, стр. 39. М. 2007.

Нельзя не согласиться с замечанием автора книги, что было бы упрощением сводить холодную войну к традиционному противоборству двух империй из-за получения военно-стратегического преимущества, как это имело место в прошлые века. Конечно, причины холодной войны имеют гораздо больший масштаб и соперничество двух супердержав – США и СССР выражает системный антагонизм капитализма и социализма. Победа Запада в холодной войне и распад Советского Союза для М. Тэтчер являются неоспоримым свидетельством исторического превосходства системы капитализма. Этот факт, наступивший «без единого выстрела», так воодушевил М. Тэтчер, что она забрала политику разрядки и концепцию конвергенции как продукт теоретически несостоятельной мысли. Между тем следует отдать должное их авторам, что именно они в годы пика холодной войны, когда мир висел на волоске и нужно было уходить от парализующего риска атомного самоуничтожения, наставляли человечество прислушаться к голосу здравого рассудка, быть открытыми к взаимопониманию и готовыми к историческим компромиссам. Наступивший период глобализации усложнил проблемы стабилизации мира, которая настоятельно требует большей гибкости. В этой ситуации сдавать в архив теоретические прозрения, сыгравшие конструктивную роль в критическую

эпоху, было бы неосмотрительно. В любом случае вопросы, поднятые ими, не потеряли актуальности и в наши дни.

2. Зб. Бжезинский, Бр. Скоукрофт. Америка сегодня. М. 2012.

Авторы высшей квалификации по вопросам внешней политики не нуждаются в представлении, чтобы объяснить, почему я, быть может несколько злоупотребляя частыми ссылками на первоисточник, предпочел опереться на их компетентность. Замечу лишь, что их рассуждения могут быть приняты за образец свободы мысли, которая подкупает и нагляднее всего проявляет свою мощь в критических фрагментах. Даваемые ими оценки и характеристика практики «перекройки мира», в стратегии которой «удивительным образом» «сочеталось применение силы и лозунги демократизации» (гл. I, стр. 36), настолько узнаваемым делали пережитое Грузией, что годы режима так называемой «революции роз» виделись не более чем репродукция, снятая копировальной машиной; никакой «отсебятины» кустарного производства. Работает конвейер, как и на Украине. Оговорюсь, что не только в постсоветских пределах, тиражирование шире.

3. Р. Роллан. Собрание сочинений, т. 13, стр. 134. М. 1958.

Цитированные слова Р. Роллана, написанные в 1926 году, то есть 90 лет тому назад, как нельзя более созвучны нашему времени и актуальность их многократно возрастает как символическое послание, которое сам писатель поместил в статье «Предупреждение Америке». Переключка эпох знаменательна и дает много простора для комментариев, но ограничим себя и предоставим слово М. Тэтчер, её философские рассуждения о мире, который «был на самом деле таким всегда», заканчиваются фразой: «Это мир риска, конфликтов и скрытого насилия».